

Низами Гянджеви

Приезд Искендера в Барду и
встреча его с Нушабой

Низами Гянджеви

**Приезд Искендера в Барду и
встреча его с Нушабой**

Баку — Гянджлик — 1989

Перевод с фарси **Константина Липскерова**
Художник **Алтай Гаджиев**
Редактор **Мехри Мамедова**

Низами Гянджеви

Приезд Искендера в Барду и встреча его с Нушабой.

Отрывок из поэмы «Искендернаме» Переизд. Гянджлик. 1989, 36 с.

Отрывок из первой части («Шараф-наме») широкоизвестной поэмы Низами Гянджеви «Искендернаме». Здесь повествуется о походе Александра Македонского на Азербайджан, о его памятной встрече с бардинской шахиней Нушабой.

Н $\frac{4803060101}{M 653 (12) - 89}$ 11-89

ISBN 5-8020-0188-7

© «Художественная литература», М., 1986

© «Гянджлик», 1989

Дай мне, вина, что во мраке ночей
Укрепляет наш дух, словно чистый ручей!
Я стораю, ведь скорби во мне преизбыток.
Научился я пить твой отрадный напиток.
Так прекрасна Барда, что январь, как и май,
Для пределов ее — расцветающий рай.
Там на взгорьях в июле раздолье для лилий.
Там весну ветерки даже осенью длили.
Там меж рощ благовонных снует ветерок,
Их Кура огибает, как райский поток.
Там земля плодородней долины Эдема.
«Белый сад» переполнен цветами Ирема.
Там кишачий фазанами дивно красив
Темный строй кипарисов и мускусных ив.
Там земля пеленою зеленой и чистой
Призывает к покою под зеленью мгlistой.
Там в богатых лугах и под сенью дубрав
Круглый год благовенье живительных трав.
Там все птицы краев этих теплых. Ну, что же...
Молока хочешь птичьего? Там оно — тоже.
Там дождем золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота, блещут они, как шафран.
Кто бродил там с отрадой по благостным травам,
Тот печалей земных не поддастся отравам
Но Барда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из нее и парчу и шелка.
В ней осыпались розы, пылавшие.ало.,

В ней не стало нарциссов, гранатов не стало.
Устремясь к её рощам, войдя в её дол,
Ты бы только щепу да потоки нашёл.
Или травы, что здесь в златоцветах блистали,
Из зерна справедливости древле возрастали?
Если правда здесь вновь утвердится, — красив
Снова станет узор здешних пастбищ и нив.
Да, коль шах обрати взод свой к этому лону,
Вновь он даст украшения древнему трону.
Этот край прозывался Харумом, потом
Был Бардою учителем назван, и в нем,
Породившем прославленных мощное племя,
Много кладов укрыло поспешное время.
Где цвело столько роз, взор людской утоля?
Где еще столько кладов укрыла земля?
Нам поведал мудрец, клады слов разбирая, —
Воцарилась в стране, что прекраснее рая,
Нушабе. За отрадною чашей вина
Круглый год, веселясь, проводила она.
Непорочной газелью бродя по долинам,
Красотою была она схожа с павлином.
И была она, славой сияя большой,
Что мудрец — благоденствием, что ангел — душой.
Ровно тысяча дев с ней была. И их лица
Окружали ее, словно лун вереница.
Тридцать тысяч гулямов служило при ней,
Все имели они быстроногих коней.
Но мужам был заказан предел ее кровя:
В свой дворец не впустила б она и родного.
Только жёны вели ее царства дела,
И к мужам благосклонной она не была.
Все советницы были разумны, — к чему же
Было им помышлять о каком-либо муже?
А гулямы, которыми край был храним,

Проживали в уделах, назначенных им.
Даже к тени дворца иль дворцовой ограды
Не посмели б они устремить свои взгляды.
Но приказ Нушабе исполняя любой,
За нее они всюду вступили бы в бой.
Царь, приведший войска к этим нивам и водам,
Воздвигая шатер, что был схож с небосводом,
Увидал и луга и безмерный посев,
И спросил, всю окрестность сию оглядев:
«Кто в раю этом правит? Каким властелином
Безмятежность дана этим светлым долинам?»
Отвечали царю: «Все, что в этой стране,
Вручено небесами прекрасной жене.
Разум зоркой владычицы с мудростью дружен.
А по крови она чище лучших жемчужин.
Сердце чистой — прозрачный, благой водоем.
И печется она о народе своем.
Много мужества в ней. Древней былью повеяв,
Говорит ее храбрость о доблести Кеев.
Венценосна она, но не носит венца.
И войска не видали царицы лица.
Есть гулямы у ней. Но ни днем и ни ночью
Не видали жены они этой воочью.
Много дивных, чья грудь, словно нежный жасмин,
Ей во всем помогает. Лишь сахар один
Равен сладостью с этими женами. Люди
Не видали гранатов круглей, чем их груди.
Горностай и шелка в вечной дрожи на них:
Посрамятся, — не ведали нежных таких!
Если б с неба взглянули на них серафимы, —
Тотчас пали бы наземь, любовью палимы.
Блещет каждая в роще и светит в дому,
Как светильник иль солнце, спугнувшее тьму,
Так сияют они, что опасно для ока
Поглядеть на красавиц хотя б издалика.

Кто б их голос услышал в их райском краю, —
Их бы прихоти отдал всю душу свою.
Их в жемчужинах шеи, а уши их в лалах.
Их из лалов уста, жемчуг в ротиках алых.
Чье заклятье над ними — не знаем, но страсть
Не простерла на них свою жаркую власть.
Их приятель — напев, их забвение — в чаше.
Ничего им на свете не кажется краше.
Это воля премудрой и чистой жены
Отгоняет от них сладострастные сны.
И чертоги ее с пышным капищем схожи,
И туда беспрепятственно дивные вхожи.
И она, хоть мужчинам к ней доступа нет,
Каждый день созывает свой царский совет.
У нее во дворце есть большая палата,
Что не только ковром златотканым богата:
Там хрустальный поставлен блистающий трон,
И рядами жемчужин он весь окаймлен.
Весь дворец ее блещет каменье лучами
И, как светоч иль месяц, сияет ночами.
Каждым утром, взойдя на высокий престол,
Взор царица возносит в заоблачный дол.
Всем, кто в этой палате, невестою мнится
Меж невест служающих эта царица.
И все жены цветут. В созерцанье они
И в веселье проводят счастливые дни.
Но в дремоте и за радостным пиром
Они помнят того, кто сияет над миром.
И жена, чье чело так пристало венцу,
Не жалеет себя в поклоненье творцу.
И не спит во дворце, схожем с божеским раем,
В прозорливости мудрой. О доме мы знаем,
Что из мраморных глыб. Ночью, словно луна,
Одинокая, в дом этот входит она.

Там за тихим, для всех недоступным порогом,
До утра она страждет, склоняясь пред богом.
Лишь ко сну она голову склонит, — и вот
Вскинет снова, как птичка, которая пьет.
И затем в окруженье пери она снова
Пьет вино и внимать милым песням готова.
Так она управляет стремлений конем:
В ночь — сюда повернет, а туда — светлым днем.
В ночь молитвам она предана, а с рассветом
Хочет радостной быть — видит благо лишь в этом.
Так ведет меж подруг она круг своих дней.
Пребывают гулямы в заботах о ней».
Искендер, обольщенный такими речами,
Все хотел бы увидеть своими очами.
Вся окрестность цвела, воды мчались по ней,
Дол казался алхимиков камня ценней...
За вином, в изобилие таком небывалом,
Искендер отдыхал, наслаждаясь привалом.
Но уже к Нушабе весть пришла во дворец,
Что блесит недалеко румийский венец.
И готовиться стала она к услуженью.
Ибо знала: весь мир — под румийскою сенью.
И румийцу служба, как царю своему,
Наилучшие яства послала ему.
Кроме птиц для стола и животных отборных
И коней под седло многоценных, проворных —
Злаки, блеском своим привлекавшие взгляд,
Ароматную снедь и приправы и ряд
Златокованных чаш, чтоб свершать омовенья,
И плоды и вино, что дарует забвенья,
Мускус, травы, чей дух полон сладостных чар,
За харварами сахара новый харвар, —
Для того, кто царил так премудро и мощно,
От нее приводили и денно и ношно.

Искендеру подарки и яства даря,
Не забыла она и придворных царя.
И ее благородством пленясь и делами,
Все царицу Барды осыпали хвалами.
Искендер еще больше направить свой путь
К Нушабе захотел, чтоб хоть глазом взглянуть,
Так ли скрытен дворец в ее райской столице,
Так ли дело правленья покорно царице,
Так ли властна она, так ли облик пригож,
Правда ль слухи о ней или все это ложь?
Сумрак ночи — Шебдиз над горами большими
Был подкован подковами дня золотыми.
Сел в седло Искендер. Путь он хитрый нашел:
К Нушабе он отправился, словно посол.
И с коня соскочив у дворцового входа,
Государь отдохнул. До небесного свода
Поднимался дворец, и казалось: пред ним
Все склонилось и был он лазурью храним.
Увидав, что гонец на дворцовом пороге,
Всполошились рабыни и в царском чертоге
Доложили царице о дивном после
От Владыки, что блеск даровал их земле:
«Этот светлый гонец схож с крылатым Сурушем,
Что с благим предвещаньем спускается к душам:
В нем великого разума светится свет,
И сияньем божественным весь он одет».
И свой тронный покой Нушабе осветила,
Путь запретный она в золотой обратила.
Луноликих она разместила в ряды.
С двух сторон расцвели золотые сады.
Мускус тягостных кос оплетья жемчугами,
Вся она в жемчугах заблистала шелками.
И прекрасным павлином казалась она,
И сияла она, и смеялась она,

И воссела в венце на сверкающем троне
С апельсином, наполненным амброй, в ладони.
Повелела она, чтоб гонца к ней ввели,
Соблюдая весь чин ей подвластной земли.
Но посланец, как лев, отстранивший препону,
Появился в дверях и направился к трону.
И меча он не снял и, как должно гонцу,
Он земного поклона не отдал венцу.
Быстролетно окинул он огненным взором
Весь чертог, полный блеска и света, в котором
Райских гурий за рядом увидел он ряд
И который был райским дыханьем объят.
Столько светлых на девах сверкало жемчужин,
Что, взглянув, ты бы пролил немало жемчужин.
И узоры ковра, словно лалы горя,
Разогрели подковки сапожек царя.
Словно россыпи гор и сокровища моря
Воедино слились, весь чертог разузоря.
Поглядев на посла — и медлителен он,
И пред ней не свершил он великий поклон,
Как пристало послу пред царицей иль шахом —
Нушабе была смутным охвачена страхом.
Расспросить его должно, — решила она, —
«Что-то кроется здесь! В нем угроза видна!»
Но окинув гонца взором быстрым, как пламень,
Так менялы динары бросают на камень, —
Лишь мгновенье она колебалась. Посол
Приглашен был воссесть рядом с ней на престол.
Был достоин сидеть он с царицею рядом.
Узнан был Искендер ее пристальным взглядом.
Семь небес голубых восхвалила жена
И восславилась вслед Миродержца она,
Но догадки своей не открыла, нескромной
Не явилась и, взор свой потупивши томный,

Не сказала тому, кто смышлен и могуч,
Что в руке ее к тайне имеется ключ.
Искендер, но законам посольского чина,
Как почетный гонец своего господина,
Восхваливши царицу прекрасной страны .
И сказав, что ему полномочья даны
Тем царем, что велик и чья праведна вера, —
Начал так излагать ей «слова Искендера»:
«О царица, чья слава сияет светло,
Чье величье — величье всего превзошло,
Почему, хоть на день свои бросив угоды,
Ты ко мне повернуть не желаешь поводья?
Иль я слабость явил, что презрен я тобой?
Иль нанес тебе вред, что полна ты враждой?
Где отыщешь ты меч и тяжелый и смелый,
Где отыщешь ты метко разящие стрелы,
Что спасли бы тебя от меча моего?
Путь ко мне обрати. Он вернее всего.
На пути в мой шатер запыли свои ноги.
Устрашись! Мне подобные могут быть строги.
Если я по путям твоим вздумал идти,
Бросив тень своей мощи на эти пути, —
Почему к моему не пришла ты престолу?
Почему не склонила главы своей долу?
Ты, царица, подумала лишь об одном:
Ублажить меня снедью, плодами, вином,
Блеском утвари ценной, — я принял все это,
Но и ты не отвергни благого совета.
Сладко видеть тебя с твоим блеском ума.
Всем даруешь ты счастье, как птица Хума.
Размышлений дорога премудрой знакома,
К нам ты завтра явись в час большого приема».
Замолчал Искендер, и склонил он чело
В ожиданье ответа. Мгновенье прошло,

И раскрыла тогда Нушабе для ответа
Свой прелестный замочек пурпурного цвета:
Славен царь, у которого мужество есть
Самому доставлять свою царскую весть.
Я подумала тотчас о шахе великом,
Не тебе, а ему породниться с победой».
Знай, хоть край мой в границы свои заключен,
Я слежу за владыками наших времен.
Знай, от Инда до Рума, от скудной пустыни
До пространства, что божьей полно благостыни,
Разослала повсюду художников я
И мужей, проникающих в тьму бытия,
Чтоб, возрев и прислушавшись к общему толку,
Мне подобья царей начертали по шелку.
Так из каждого, края, что мал иль велик,
Мне везут рисовальщики царственный лик.
И гляжу я в раздумье на эти обличья.
И, чтоб тоньше постичь царских ликов различья,
Я о тех, по которым я взор свой веду,
От мужей многоопытных сведений жду.
Письмена их прочтя, их с рисунком сличая,
Узнаю я властителя каждого края.
И любого царя с головы и до пят
Изучает мой взор. Мои мысли кипят.
И мужей, захвативших и воды и сушу,
Я пытаюсь постичь и проникнуть в их душу.
Я сличаю державных, — кто плох, кто хорош.
Есть наука об этом. Наука — не ложь!
Я царей изучаю внимательно племя.
Не в одних лишь уладах течет мое время.
На раздумья весах узнаю я о том,
Кто из всех властелинов бесспорно весом.
Мне на этом шелку, о венец мирозданья,
Ничего нет милей твоего очертанья!

Словно слава над ним боевая парит.
И о мягкости также оно говорит». И царица, сияя подобно невесте,
По ступеням сошла, чтоб на царственном месте
Искендер был один. Будь хоть каменным трон —
Никогда двух всевластных не выдержит он.
Потому лишь игра мучит сердце любое,
Что два шаха в игре и соперников двое.
И, покинув свой трон, перед шахом жена
Стройный стан преклонила, смиренья полна,
И затем, на сидение сев золотое,
Услужать ему стала. Смущенье большое
Искендера объяло. Стал сам он не свой
Перед этою рыбкою хищной такой.
Он подумал: «Владеет она своим делом.
И полно ее сердце стремлением смелым.
Но за то, что свершить она должным сочла, —
Ей от ангелов горних пошлетя хвала.
Все ж бестрепетной женщине быть не годится:
Непомерно свирепствует смелая львица.
Быть должны легковеснее мысли жены.
Тяжкой взвешивать гирей они не должны.
Быть в ладу со стыдливостью женщинам надо.
Звук без лада — лишь крик. Есть ли в крике услада?
«Пусть жена за завесою лик свой таит,
Иль в могиле укроется», — молвил Джамшид.
Ты не верь даже той, что привержена вере.
Хоть знаком тебе вор, — запирай свои двери.
Безрассудный посол! — он себя поносил —
Для защиты своей не имеешь ты сил.
Над тобою нежданные беды нависли.
Ты попался! Ну что ж! Напряги свои мысли!
Если бы встретил врага, а не женщину ты,
Если б в ней не таилось ее доброты,

Ты давно бы забыл о возвратной дороге:
Обезглавленным пал бы на этом пороге.
Если ныне я целым отсюда уйду,
На желанья свои наложу я узду.
И лица своего прикрывать я не стану.
Прибегать безрассудно к такому обману.
Коль нежданного плена обвил меня жгут,
То не нужно мне новых мучительных пут.
Мы спасаем букашку, упавшую в чашу,
Применяя не силу, — находчивость нашу.
Терпеливым я стану. Все это лишь сон.
Он исчезнет. Ведь буду же я пробужден!
Я слышал: человек, предназначенный казни,
Шел смеясь, будто вовсе не ведал боязни.
И спросили его: «Что сияешь? Ведь срок
Твоей смерти подходит, твой путь недалек».
Он ответил: «Коль жизни осталось так мало,
То в печали ее проводить не пристало».
Был разумен его беспечальный ответ.
И во мраке создатель послал ему свет.
Хоть порой должный ключ мы отыщем не скоро,
Не откроем мы все-таки створку затвора».
Еще много иного сказал он себе
И решил покориться нежданной судьбе.
Если мощный в пути одинок, — то не диво,
Что в своем одиночестве встретит он дива.
Коль без лада певец свой затянет напев,
В своем сазе насмешку услышит и гнев.
И, познав, что напрасным бывает хотенье,
Растревоженных мыслей смирил он смятенье.
Победит он терпеньем постыдный полон!
И на счастье свое понадеялся он.
Нушабе приказала, ему услужая,
Чтобы те, что подобны красавицам рая,

Всевозможною снедью украсили стол
И чтоб яствами лучшими весь он расцвел.
И рабыни, сверкая, мгновенно, без шума
Приготовили стол для властителя Рума.
Сотни блюд принесли, и вздымались на них
Бесконечные груды различных жарких.
И хлебов, чья душистость подобилась чуду,
И лепешек румяных внесли они груду.
Чтоб рассыпать по ним, словно россыпь семян,
Много сладких печений. Был нежен и прян
Дух пленительный хлебцев; в усладе сторя,
Ты вдыхал бы их амбру, как веянье рая.
Кряж такой из жаркого и рыбы возник,
Что подземные гнулись и Рыба и Бык.
От бараньего мяса и кур изобилья
У смеющейся скатерти выросли крылья.
И миндаль и фисташки забыли свой вкус, —
Так пленил их ричар, так смутил их масус.
И от сочной халвы, от миндальных печений
Не могли леденцы не иметь огорчений.
Полуда своей ясностью хладной умы
Прояснило бы те, что исполнены тьмы.
И напиток из розы — фука благодатный
азливал по чертогу свой дух ароматный.
Златотканую скатерть отдельно на трон
Постелили. Был утварью царь удивлен.
Не из золота здесь, не для снеди посуда:
На подносе — четыре хрустальных сосуда.
В первом — золото, лалами полон второй,
В третьем — жемчуг, в четвертом же — яхонтов рой.
И когда в этом праздничном, пышном жилище
Протянулись все руки к расставленной пище,
Нушабе Искендеру сказала: «Любой
Кушай поданный плод, — ведь плоды пред тобой».

Царь воскликнул: «Страннее не видывал дела!
Как бы ты за него от стыда не зардела!
Лишь камня в сосудах блестят предо мной.
Несъедобны они. Дай мне пици иной.
Эта снедь, о царица, была б нелегка мне,
Не мечтает голодное чрево о камне.
На желанье вкушать — должной снедью ответь,
И тогда я любую отведаю снедь».

Рассмеялась луна и сказала проворно:
«Если в рот не берешь драгоценные зерна,
То зачем ради благ, что тебе не нужны,
Ты всечасно желаешь ненужной войны?
Что ты ищешь? Зачем столько видишь красы ты
В том, чем люди вовеки не могут быть сыты?
Если лал несъедобен, скажи, почему
Мы, как жалкие скряги, стремимся к нему?
Жить — ведь это препятствий отваливать камень.
Так зачем же на камни наваливать камень?
Кто камня собирал, тот изгрызть их не мог;
Их оставил, уйдя, словно камни дорог.
Лалы брось, коль не весь к ним охвачен пристрастьем.
Этот щебень в свой срок оглядишь с безучастьем».

Царь упрекам внимал. Он прислушался к ним.
И, не тронув того, что сверкало пред ним,
Царь сказал Нушабе: «О всевластных царица!
Пусть над миром сиянье твое разгорится!
Ты права. Выйдет срок — в этом спора ведь нет —
Станет камню простому сродни самоцвет.
Но полней, о жена, я б уверился в этом,
Если б также и ты не влеклась к самоцветам.
Коль в уборе моем и блестит самоцвет,
То ведь с царским венцом вечно слит самоцвет.
У тебя ж — на столе самоцветов мерцанья.
Так направь на себя все свои порицанья.

Накопив самоцветы для чаш и стола,
Почему ты со мною столь строгой была?
О владельце камней худого ты мненья —
Почему же весь дом твой покрыли каменья?
Но разумной женою ты кажешься мне,
И твои поученья уместны вполне.
Да пребудешь ты вечно угодною богу, —
Ты, что даже мужам указуешь дорогу!
О жена! От себя твое золото я
Отставляю. И в этом заслуга твоя».
И счастливая этой великой хвалою
Совершивши поклон, до земли головою
Преклонясь, — повелела она лишь тогда
Пред царем Искендером поставить блюда.
И, поспешно испробовав яства, сияя,
Их царю предложила и, не уставая,
Хлопотала, пока Искендер не устал
От еды и в дорогу готовиться стал.
Взяли клятву с царя, что не станет угрюма
Участь светлой Барды от нашествия Рума.
Дав охранную грамоту, сел он в седло,
Поскакал; на душе у царя отлегло.
Понял он: от лукавой игры небосвода
Оградил его бог. Сколь отрадна свобода!
И, уйдя от всего, чем он был утрачен,
Благодарность вознес вседержителю он.
Шар игральный у дня ночь взяла, но при этом
Раздела весь мир лунным сладостным светом.
Хоть пропал золотой полыхающий шар,
Но серебряных шариков реял пожар.
Вспомнил благостный сон о царе Искендере
И закрыл ему веки — души его двери.
Отдыхал Властелин до мгновений, когда
Мгла исчезла. Сиянью настала чреда.

Поднял голову царь, чтоб за радостным пиром
Встретить утро, что, яро вставая над миром,
Апельсином сразило рассвет. Пропылал
Он, покрывшийся кровью, как пламенный лал.
И когда было небо в сверканиях лала,
Нушабе к Повелителю путь свой держала.
И была под счастливой звездой она,
Как плывущая ввысь золотая луна.
За конем луноликой, сверканьем играя,
Шли рабыни, как вестницы светлого рая.
Сто Нахид помрачнели б наверно пред ней:
Ста Нахид ее пальчик единый ценней.
И предстал царский стан перед взором царицы,
Там нет счета шатрам, там коней вереница.
Там от золота стягов, от шелка знамен
Прах фиалковым стал, розов стал небосклон.
Между сотен шатров с их парчовым узором
Путь к царю не могла разыскать она. взором,
Но, людей расспросив, прибыла ко двору, —
К подпиравшему небо цареву шатру.
Золотые подпоры, из шелка канаты
И гвоздей серебро... Краше румской палаты
Для приемов шатер. И приема жена
Попросила, и спешила эта Луна.
И позволили ей преклонения дани
Принести и пройти под шатровые ткани.
И узрела она: со склоненным лицом
Венценосцы стоят под единым венцом.
Перед тем, кого чтили все жители мира
Пояс к поясу встали властители мира.
И одежд их сверкающий яркий багрец
Был опасен для глаз и для робких сердец.
И стеной они росписью, чудилось, были:
О движеньи, о слове они позабыли.

И невеста из замка извела страх:
В замке труднодоступном находится шах.
Преклонясь, Нушабе начала восхваленье.
Всех могучих она привела в умиленье.
Повелел государь, — и сверкающий трон
Принесли. Был из чистого золота он.
Царь луну усадил на возвышенном месте,
Ниже — тех, кто сопутствовал этой невесте.
Он прибывшей хороший прием оказал.
Что приезд ее благ, Нушабе он сказал.
Успокоилось сердце жены, и Властитель
Приказал, чтоб явился пиров управитель,
И чтоб стольник скорей угощенья принес
И пустил вкруговую обильный поднос.
Но сперва, словно взят из источников рая,
Заструился гюлаб, духом розы играя.
Столь усладный напиток не только Хосров, —
И Ширин не имела для званых пиров!
А затем белотканые скатерти стлали,
И поплыл запах амбры в небесные дали.
Все блага, что давало богатство земли,
В тяжких грудях поспешно на стол принесли:
Из муки серебристой, просеянной дважды,
Были поданы ... луны — подумал бы каждый.
Словно свертки шелков — для услады царей! —
Засиял свежий хлеб, — жаркий труд пекарей.
На подносах из золота целую грудю
Хлебцев разных внесли; хлеб разложен был всюду
Лишь лепешки одной не нашлось на столе —
Той, что в небе пылая, светила земле.
Все, поев, как положено, сладостной влаги
Пожелали. И жбаны раскрылись и фляги.
До полудня за чашами время прошло,
И когда пламень дружбы вино разожгло, —

Опьянения радость разгладила брови
Тем, кто к пиршествам жаркой исполнен любви.
И за струнной игрой до вечерней зари
с Нушабе свое время пери.
И когда в черный цвет свод оделся высокий,
И к подушкам прильнуть так хотели бы щеки,
Молвил царь милоликим, словам их в ответ:
«Уезжать вам сегодня не следует, нет!
Я хочу, чтобы завтра возникло от Рыбы
До Луны пированье, чтоб все мы могли бы,
Как нам Кеи велели и сам Феридун, —
Усладиться вином и звучанием струн.
Может статься, в огне, наполняющем чаши,
Испекутся дела несвершенные наши.
Позабудем о всем, чем нас мир покарал.
Исцелит наши души столетний коралл.
Пусть ланит наших станут прекрасными розы:
Раскрасневшись, становятся страстными розы.
Коль мы прах напоим ценной амброй вина, —
Для мытья головы станет глина годна!»
Что же! Радость пери, преклоненных пред шахом,
Одержала победу над девичьим страхом.
И была Нушабе на царевом пиру
Так светла, как Зухре в небесах поутру.
Властной амброй дыша, глубока, чернокрыла
Стала ночь и мешочек свой мускусный вскрыла.
А из мускусных кос милых дев свой аркан
Сделал царь, сладкой амбры усилив дурман.
И Луну и Юпитер арканом сим властным
Он заставил спуститься на землю к прекрасным.
Пированьем была эта страстная ночь.
И сверкали пери, — так хотелось им смочь
В пламень бросить подкову: хорошая мера,
Чтоб, колдуя, любовью зажечь Искендера!

Царской волей зажглись благовоний костры,
Словно маги в ночи затевали пиры.
Так он взвихрил огонь, что в хмелю позабыли
Все о скарбе, — о том, чем так связаны были.
За вином, струны звонкие слушая, он
Всю провел эту ночь. Посветлел небосклон.
По лазури багрянец прошел полосую,
Черный соболь нежданно стал рыжей лисою.
Снова стал веселиться зеленый простор.
И был царственный снова разостлан ковер.
Кипарисов ряды снова подняли станы,
Куропатки мелькнули, блеснули фазаны.
И запели пери. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Михрган.
И когда цвета яшмы запенились вина,
Тотчас яшмовой стала небес половина.

